

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

М. А. КОРОСТОВЦЕВ

ВВЕДЕНИЕ
В ЕГИПЕТСКУЮ
ФИЛОЛОГИЮ

Ответственный редактор
В. В. Струве

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963

ЕГИПЕТСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО МЕСТО СРЕДИ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

§ 1. ЕГИПЕТСКИЙ ЯЗЫК

В научной литературе как в нашей, так и в зарубежной иногда встречается термин «древнеегипетский язык», под которым подразумевается язык населения Древнего Египта.

Этот термин неточен, ибо называя какой-либо язык древним (например древнекитайский, древнегреческий), имеют в виду существование такого же нового, современного нам языка, иначе говоря, определение «древний» создает впечатление, что речь идет о древней стадии живого современного языка.

С египетским языком дело обстоит иначе. Египетский язык стал мертвым уже в начале нашей эры, когда на смену ему пришел коптский, представляющий собой последнюю стадию развития египетского языка и органически с ним связанный, но при этом отличающийся от него настолько, что в языкознании он считается самостоятельным языком. Коптский язык относится к египетскому языку поздней стадии его развития примерно так же, как итальянский к латинскому. Но и коптский язык тоже уже мертвый язык. В настоящее время жители Египта говорят на арабском языке. Поэтому египетским языком мы называем только тот язык, которым пользовалось население Древнего Египта с незапамятных времен до III в. н. э. (приблизительно).

Так как памятники египетского языка сохранились за огромный период, исчисляемый не менее чем в три с половиной тысячелетия, вполне естественно предположить, что за это время египетский язык видоизменялся. И действительно, памятники языка показывают, что на протяжении тридцати пяти с лишним веков он прошел следующие стадии развития¹: [3]

I. Язык эпохи Древнего царства (XXXII—XXII вв. до н. э.; в английской научной литературе эта стадия развития языка называется Old Egyptian, во французской — ancien égyptien, в немецкой — Altägyptisch. Отлично подошел бы к обозначению этого периода русский термин «древнеегипетский», но поскольку его неправильно употребляют для обозначения всего египетского языка, было бы неясно, о чем идет речь: о древней стадии развития языка или о языке в целом. Поэтому для обозначения древнего периода истории языка целесообразно принять термин, предложенный крупнейшим советским египтологом Ю. Я. Перепелкиным, — «староегипетский».

II. Среднеегипетский, или классический, язык (XXII—XVI вв. до н. э.); в английской научной литературе — Middle Egyptian, во французской — moyen égyptien, в немецкой — Mittelägyptisch.

III. Новоегипетский язык (XVI—VIII вв. до н. э.); в английской научной литературе — Late Egyptian, во французской — néoégyptien, в немецкой — Neuägyptisch.

IV. Демотический язык (VIII в. до н. э. — V в. н. э.).

V. Коптский язык (с III в. н. э.). После завоевания Египта арабами в VII в. н. э. коптский язык начинает вытесняться арабским, постепенно угасает и становится мертвым языком.

Весь этот процесс будет особо рассмотрен в главе об истории языка. Здесь его необходимо было коснуться лишь вкратце, чтобы в дальнейшем было ясно, о чем идет речь, когда употребляется один из этих терминов.

Таким образом, мы можем определить египетский язык как язык древнего, языческого, дохристианского Египта. Констатируя эти факты, следует подчеркнуть, что никакой органической связи между сменой языков и сменой религий нет.

Египетский язык, а впоследствии и коптский, был языком коренного населения Древнего Египта и за пределами страны распространения не имел. Географические границы страны довольно определены: вся долина Нила от средиземноморского побережья и примерно до первого нильского порога у Асуана. Памятники египетского языка часто встречаются и на других территориях, в частности далеко к югу от Асуана. Это памятники победы египетского оружия и культуры в странах, где египтяне были сравнительно немногочисленными пришельцами среди

¹ Gardiner, *Grammar*, § 4; Lefebvre, *Grammaire*, § 8; Edel, *Grammatik*, S. VII.

иноязычного населения, сохранившего свои языки. Кстати напомним, что в первые века существования Эфиопского царства египетский язык был там всего лишь языком официальным (под «Эфиопским [4] царством» подразумевается не современная Эфиопия, а древнее царство со столицей Напата);

§ 2. СЕМИТО-ХАМИТСКИЕ ЯЗЫКИ

Задолго до того, как в 1822 г. Ж. Ф. Шампольон нашел ключ к чтению египетских текстов, делались попытки определить место египетского языка среди других языков. Естественно, они были обречены на неудачу, ибо невозможно классифицировать язык, недоступный для исследования. Нередко такие попытки имели фантастический характер. Например, англичанин Нидхам считал египетские и китайские иероглифы тождественными. Такого же мнения упорно держался французский ориенталист Ж. де Гинь². Однако наряду с подобными, совершенно беспочвенными гипотезами, не имеющими никакого научного значения и представляющими некоторый интерес только для истории египтологии, высказывались и трезвые мысли. Так, де Гинь, Бартеlemi, Росси, Джорджи и Вольней находили точки соприкосновения между древнееврейским и коптским языками³.

Открытие Ж. Ф. Шампольона положило начало новой исторической и филологической дисциплине — египтологии, которая, несмотря на огромные трудности, развивалась настолько быстро, что уже в 1844 г. немец Т. Бенфей, исходя из конкретных научных данных, смог опубликовать исследование о принадлежности египетского языка к языкам семитским⁴.

Здесь необходимо несколько отвлечься и вкратце остановиться на содержании терминов «семитский» (или семитический) и «хамитский» (или хамитический) в языкознании.

Термин «семитский» был впервые предложен в XVIII в. Шлецером, затем он встречается в работах Эйхгорна⁵, одного из первых библейских критиков. Происхождение этого термина таково. В главе X Книги Бытия упоминаются потомки сыновей Ноя — Сима (иначе Сема), Хама и Иафета, изображаемых в Библии эпонимами-родоначальниками многих народов (здесь, кстати сказать, содержится первая в [5] мировой литературе попытка показать родственные связи между народами)⁶. После перечисления потомков Сима в Библии написано: «Это сыновья Симовы по племенам их, по языкам их, в землях их, по народам их» (Книга Бытия, X, 31). Однако лингвистический принцип такой классификации не выдержан: среди потомства Сима называются и народы, говорившие не на семитских языках, например эламиты. Но так как здесь наряду с евреями (Евер) встречаются народы, близкие к ним по языку, например арамейцы (Арам), ассирийцы (Ассур) и другие, термин «семитский» стал употребляться для обозначения группы народов и языков, близких к еврейскому.

В группу семитских языков входят следующие языки: мертвые — аккадский (и аморейский?), угаритский, палеосинайский и хананейские (к ним относятся старохананейский в текстах амарнского архива, моавитский, финикийский, древнееврейский, а также государственный язык государства Израиль — иврит, представляющий искусственно возрожденный и обогащенный древнееврейский), библейско-арамейские, распадающиеся на западную (староарамейский, арамейский, язык палестинского талмуда, неоарамейский, набатейский, пальмирский) и восточную группу (восточноарамейский, харранский, язык вавилонского талмуда, мандейский, сирийский; к этой группе относится и живой новоарамейский, или айсорский); живой арабский с диалектами и мертвые южноарабские языки (сабейский, минейский и др.; некоторые

² См. W. R. Dawson, *Who was who in Egyptology*, London, 1951, pp. 7, 114.

³ J. J. Barthelemy, *Reflexions générales sur les rapports des langues égyptienne, phénicienne et grecque*, — «Académie royale des inscriptions et belles lettres», t. 32, 1858, pp. 212–233; см. также: Lefebvre, *Sur l'origine*, p. 269.

⁴ Th. Benfey, *Über das Verhältnis der ägyptischen Sprache zum semitischen Sprachstamm*, Leipzig, 1844.

⁵ J. Eichhorn, *Repertorium für biblische und morgenlandische Literatur*, t. 8, Leipzig, 1781, p. 161; J. Eichhorn, *Historisch-kritische Einleitung in das Alte Testament*, Leipzig, 1787; см. также Lefebvre, *Sur l'origine*, p. 267, n. 1.

⁶ См. Fr. Lenormant, *Histoire ancienne de l'Orient*, t. 1, Paris, 1888, p. 363 et suiv. — Популярное изложение см. о кн.: З. А. Рагозина, *История Халдеи*. СПб., 1903, стр. 150–164.

южноарабские диалекты, например мехри, еще живы); живые языки Эфиопии (тигринья, тигре, амхарский, гафат, аргобба, харари, гураге) и мертвый язык геэз⁷.

Многие семитские языки как древние, так и современные, имеют большую литературу и хорошо изучены, в результате чего установлена близость семитских языков между собой.

Иначе дело обстоит с так называемыми хамитскими языками. Термин «хамитский», употребляемый для обозначения народов (и их языков) северной и северо-восточной Африки, с незапамятных времен населяющих эти территории, был введен в научный обиход известным немецким египтологом Р. Лепсиусом⁸. Этот термин так же, как и термин «семитский», [6] был заимствован из главы X Книги Бытия. Там наряду с потомством Сима перечисляются и потомки Хама, среди которых названы Мицраим (Египет), Хуш (кушиты) и др. Перечисление заканчивается словами: «Это сыны Хамовы по племенам их, по языкам их, в землях их, в народах их» (Книга Бытия, X, 20). Однако и здесь принцип лингвистической классификации не выдержан: среди потомков Хама упомянуты, например, филистимляне, которые не входят в группу хамитов.

К языкам, ранее называвшимся хамитскими, относятся следующие: египетский и коптский (мёртвые языки), ливийско-берберские, на которых говорит население северной Африки (от западных границ Египта до Канарских островов включительно), и кушитские, объединяющие живые языки народов северо-восточной Африки и несемитские языки Эфиопии (беджа, афар, сахо, сомали, галла, агав, сидама, били, данакиль и др.). Раньше ошибочно считался кушитским языком, близким к языку беджа, и древний мероитский язык (мертвый), известный по сохранившимся иероглифическим и курсивным текстам (вопрос о его месте среди других языков не решен и в настоящее время)⁹. Вообще, нет единого взгляда на состав хамитской группы. Так, некоторые ученые причисляют к этим языкам язык хауса¹⁰, Л. Рейниш относит к ним язык нуба, в то время как другие считают этот язык суданским¹¹, и т.д.

Термин «кушитский» также заимствован из Библии. Любопытно, что в египетском языке слово *k3š* (ср. коптское **ⲕⲟⲩⲟ** "нубиец") сперва означало народы, населявшие территории к югу от Египта, а затем — народы и племена Нубии, Судана и Эфиопии (в древнем значении этого наименования)¹².

О всех названных языках представление было очень слабым, однако сложилось мнение, что они так же близки между собой, как и семитские. Именно это и послужило для Лепсиуса основанием объединить их в особую группу хамитских языков. Изучение хамитских языков затруднялось тем, что на них (кроме египетского и коптского) в отличие от семитских не было почти никакой литературы; они стали известны [8] лишь в современном состоянии, преимущественно как языки разговорные.

В дальнейшем выяснилось, что под термином «хамитские» объединены языки, иногда весьма далекие друг от друга, и что вместе с тем отдельные «хамитские» языки имеют точки соприкосновения с языками семитскими. В 1887 г. лингвист Ф. Мюллер предложил ввести термин «семито-хамитские языки» для обозначения совокупности семитских и хамитских языков¹³, которые распространены на огромной территории, примерно в двадцать миллионов квадратных километров¹⁴. Однако термин, «хамитские языки» удерживался еще долго. Впоследствии, когда М. Коэн доказал, что этот термин не имеет определенного лингвистического содержания, он все же уступил место общепринятому теперь термину «семито-хамитские языки».

В статье о роли хамитской теории в африканистике советский ученый Д. А. Ольдерогге пишет: «В северной части Африки живут народы, говорящие на языках семито-хамитской

⁷ A. Meillet—M. Cohen, *Les langues du monde*, Paris, 1952, pp. 82–148; И. Ю. Крачковский, *Введение в эфиопскую филологию*, Л., 1955, стр. 23 и сл.

⁸ R. Lepsius, *Standard alphabet*, 2 ed., London — Berlin, 1863; R. Lepsius, *Nubische Grammatik*, Berlin, 1880.

⁹ A. Meillet — M. Cohen, *Les langues du monde*, p. 167; E. Zyhlarz, *Die Fiktion der «kuschitischen» Völker*, — «Kusch», vol. 4, 1956, pp. 19–31.

¹⁰ W. Vycichl, *Hausa und Ägyptisch*, — MSOS, Jg. 37, 1934, Abt. 3. S. 36; Lefebvre, *Sur l'origine*, p. 268, n. 8.

¹¹ L. Reinisch, *Die sprachliche Stellung des Nuba*, Wien, 1911; Lefebvre, *Sur l'origine*, p. 267, n. 6.

¹² H. Gauthier, *Dictionnaire des noms géographiques contenus dans les textes hiéroglyphiques*, t. V, Le Caire, 1928, pp. 193–194.

¹³ F. Müller, *Grundriss der Sprachwissenschaft*, Bd III, Wien, 1887; Lefebvre, *Sur l'origine*, p. 286, n. 51.

¹⁴ A. Meillet — M. Cohen, *Les langues du monde*, p. 85.

группы. На основании этого названия нельзя заключать, что существуют отдельно семитские и отдельно хамитские ее ветви. Название это условное и не может быть расчленено на отдельные половины. Семито-хамитская группа языков должна быть подразделена на четыре группы: собственно семитскую, берберскую, кушитскую и древнеегипетскую. Говорить о единстве хамитских языков, противопоставляя их семитским, нельзя, потому что нет такой черты, которая объединяла бы все три группы в противоположность семитской. Таким образом, можно говорить лишь о семито-хамитской группе языков»¹⁵.

Затронутые Д. А. Ольдерогге вопросы очень важны: египетский и коптский языки с точки зрения современной науки принадлежат к семито-хамитской группе, но это не означает, что они относятся к собственно семитским языкам или к каким-либо другим из этой группы.

§ 3 СВЯЗИ ЕГИПЕТСКОГО ЯЗЫКА С СЕМИТСКИМИ ЯЗЫКАМИ

В своем исследовании Т. Бенфей показал близость египетского языка к семитским в области морфологии и предложил разделить семитские языки на две группы, одна из которых [8] должна была включить египетский и другие языки северной Африки. Резко отрицательно отнесся к этой точке зрения Э. Ренан. Он утверждал, что факты, приведенные Т. Бенфеем, случайны и возражал против определения египетского языка как семитского¹⁶. Тем не менее попытки доказать близость египетского языка к семитским продолжались. К этому направлению примкнули два корифея египтологии — А. Эрман и К. Зете¹⁷. Первый в исследовании о египетской глагольной форме, которую он назвал «Pseudopartizip», указал на ее сходство с глагольной формой перфекта в семитских языках. Он же в первом издании своей египетской грамматики, вышедшей в 1893 г., отметил ряд явлений, общих для египетского и семитских языков. В одной из своих работ А. Эрман указал на общность 75 корней в египетском и семитских языках и на возможную общность еще 50 корней. К. Зете в трехтомном труде, посвященном египетскому глаголу, подчеркнул важнейшую роль согласных, а также значение трехсогласного типа корней в египетском и в семитских языках. В 1930 г. появился посмертный труд А. Эмбера, в котором автор привел около 500 корней общих, по его мнению, для египетского и семитских языков¹⁸. Американский археолог и семитолог Ф. Олбрайт в работе по египетской фонологии писал: «Египетский язык полностью семитский. Количество явных этимологии увеличивается с большой быстротой, и хотя еще ряд вопросов не разрешен, я убежден, что египетский язык ни в каком отношении не является смешанным языком; напротив, это чистый полностью семитский язык»¹⁹.

Утверждение, что египетский язык должен быть безоговорочно отнесен к языкам семитским, вызвало бурную реакцию в научном мире еще задолго до высказывания Ф. Олбрайта. Лепаж Ренуф в Англии, Г. Масперо во Франции. Э. Навилль в Швейцарии и, наконец, В. С. Голенищев в России выступали против подобного определения египетского языка. Особенно резко возражал Э. Навилль. Об А. Эрмане и К. Зете, внесших огромный вклад в разработку египетского языка, он писал: «Их труды суть продукт филологической [9] лаборатории. Это совершенно искусственное построение...». По его мнению, в трудах названных ученых египетский язык выступает не в собственном обличий. «Это не реальный египетский язык,— продолжал он,— а такой, каким должен быть египетский язык, составленный из семитских элементов»²⁰.

Трезвость взглядов и осторожность в разгаре полемики проявил Г. Масперо: «Нам удивительно повезло, когда в начале существования нашей науки мы обнаружили *tabula rasa* в вопросах о языке и приступили к расшифровке без предвзятых взглядов или заранее построенных па-

¹⁵ Д. А. Ольдерогге, *Хамитская проблема в африканистике*. — «Советская этнография», 1949, № 3, стр. 170.

¹⁶ E. Renan, *Histoire générale et système comparé des langues sémitiques*, Paris, 1863, p. 87.

¹⁷ A. Erman, *Eine neue Art der ägyptischen Konjugation*,—ZÄS, Bd. 27, 1889, S. 65; A. Erman, *Ägyptische Grammatik*. Berlin, 1893; A. Erman, *Das Verhältnis des Ägyptischen zu den semitischen Sprachen*, — ZDMG, Bd. 46, 1892, Ss. 93–129; Sethe, *Verbum*.

¹⁸ A. Ember, *Egypto-Semitic studies*, Leipzig, 1930.

¹⁹ F. Albright, *The principles of Egyptian phonological development*, — RT, vol. 40, 1923, p. 70.

²⁰ E. Naville, *L'évolution de la langue égyptienne et les langues sémitiques*, Paris, 1920,— цит. по кн.: Letebvre, *Sur l'origine*, p. 271, n. 17.

радикам. Так не следует ли воспользоваться этой абсолютной свободой, которую нам предоставила судьба, чтобы создать египетскую грамматику, не инспирированную ни чисто классическими, ни индоевропейскими, ни семитскими образцами, но целиком «построенную на анализе текстов, с использованием всех средств, которые только может дать филология для изучения языка»²¹.

В противовес ученым, опиравшимся на семитскую филологию в исследовании египетского языка, ряд египтологов опубликовал труды, посвященные- сравнительному изучению египетского и североафриканских языков семито-хамитской группы.

В одной из своих работ Г. Мёллер утверждал, что «египетский язык сначала был ближе к ливийско-берберским языкам, чем к семитским... Это можно было бы понять, если бы мы знали ливийско-берберские языки не только по современным диалектам»²².

В наши дни эта полемика уже утратила остроту, ибо противопоставление семитских и хамитских языков как двух отдельных групп отвергается современной наукой, объединившей их в одну группу. Но в свое время полемика эта послужила стимулом для углубления сравнительных исследований египетского языка и языков соседних народов.

Что же касается обвинений, выдвинутых Э. Навиллем против А. Эрмана и К. Зете, то они необоснованны: труды этих ученых до сих пор не потеряли своего значения, в особенности монография К. Зете о глаголе. Поскольку египетский язык входит в группу семито-хамитских языков, понятно, [10] что он должен иметь точки соприкосновения с другими языками этой группы, которые являются его непосредственными географическими соседями: с востока — это собственно семитские языки, на юге — кушитские, на западе — ливийско-берберские. Уточнением конкретных форм и происхождения таких связей и должно заниматься языковедение. Ниже приводятся некоторые факты, иллюстрирующие связи египетского языка с языками семитскими, ливийско-берберскими и кушитскими.

Рассмотрим связи египетского языка с языками собственно семитскими.

В области фонетики близость между этими языками заключается в преобладании значения согласных над значением гласных и в избытке гортанных звуков, среди которых характерен спирант айн²³.

Египетский язык имеет общие с семитскими языками корни (причем слова, заимствованные египетским языком у семитских и семитскими языками у египетского в процессе исторического взаимодействия этих языков, здесь не учитываются). Как уже упомянуто, в исследовании А. Эмбера приводится около 500 египетско-семитских этимологий, из которых примерно 350 бесспорны. Это в основном трехгласные корни, например египетское *ḥsb* "считать", арабское *hasaba*; египетское *rḥt* "мыть", арабское *rahada* и т. д. Нередко ясность этимологии затемняется метатезой и заменой согласных в корне, например египетское *sḏm* "слушать", арабское *samia'* египетское *snb* "быть здоровым", арабское *sallma* и т. д.²⁴

В области морфологии близость египетского языка к семитским проявляется в том, что в этих языках:

а) слова женского рода единственного числа имеют окончание *t*, а слова мужского рода множественного числа — окончание *w*,

б) личный местоименный суффикс мужского рода 2-го лица единственного числа выражается звуком *k*, а суффикс 1-го лица множественного числа — звуком *n*;

в) личное независимое местоимение 1-го лица единственного числа в египетском — *ink* (коптское *ⲁⲛⲟⲕ*), в еврейском — *anōki*, в аккадском — *anāku*, в арабском — *ana* почти тождественны;

г) форма прилагательного, именуемая «нисба», образуется при помощи *j*, присоединяемого к существительным и предлогам; [11]

д) отглагольные существительные образуются при помощи префикса *m* и т. д.²⁵

²¹ G. Maspero, *Introduction à l'étude de phonétique égyptienne*, — RT, vol. 37, 1915, p. 147.

²² Möller, *Die Ägypter und ihre libyschen Nachbarn*, — ZDMG, Bd. 78, 1924, S. 36.

²³ Lefebvre, *Sur l'origine*, p. 273.

²⁴ Gardiner, *Grammar*, § 3.

²⁵ H. Grapow, *Über die Wortbildungen mit einem Präfix in- im Ägyptischen*, — APAW, Phil.-hist. K1., 1914, № 5; G. Jequier, *Le préfixe ⲙ dans les noms d'objets du moyen empire*, — RT, vol. 20, 1921, pp. 145–154.

Сравнение египетской глагольной формы, названной А. Эрманом «псевдопартицип», а А. Гардинером «старый перфект», с арабским (семитским) перфектом и аккадским пермансивом также указывает на близость египетского языка к семитским (см. приводимую ниже таблицу²⁶).

	Египетский старый перфект	Арабский перфект	Аккадский пермансив
Единственное число			
1-е лицо	<i>kwi (kw, k)</i>	<i>tu</i>	<i>āku</i>
2-е лицо мужского рода	<i>tī</i>	<i>ta</i>	<i>ta</i>
2-е лицо женского рода	<i>tī</i>	<i>tī</i>	<i>tī</i>
3-е лицо мужского рода	<i>w</i>	-	-
3-е лицо женского рода	<i>tī</i>	<i>t</i>	<i>t</i>
Множественное число			
1-е лицо	<i>wjn</i>	<i>nā</i>	<i>nī, nu</i>
2-е лицо мужского рода	<i>tjwnj</i>	<i>tum</i>	<i>tunū</i>
2-е лицо женского рода	<i>tjwnj</i>	<i>tunna</i>	<i>tina</i>
3-е лицо мужского рода	<i>w</i>	<i>u</i>	<i>u</i>
3-е лицо женского рода	<i>tī</i>	<i>na</i>	<i>u</i>

Следует отметить, что последняя согласная 1-го лица единственного числа египетского старого перфекта *i* отсутствует в аккадском пермансиве²⁷. Но в то же время египетский старый перфект и аккадский пермансив сближаются, так как обе формы могут иметь и активное и пассивное значения²⁸.

Вместе с тем грамматические функции всех трех форм — египетского старого перфекта, арабского (семитского) перфекта и аккадского пермансива — различны: египетский старый перфект выражает состояние как результат действия; арабский перфект передает в повествовании законченное действие; аккадский пермансив — длительное действие (отсюда и его название — от латинского *permaneo* "длиться", "продолжаться"). В роли повествовательной формы египетский старый перфект употребляется только в редких случаях. Это все же дает основание видеть в нем пережиток распространенной в древнейшие [12] времена повествовательной формы, аналогичной семитскому перфекту. Таким образом, отношение египетского старого перфекта к семитскому перфекту и аккадскому пермансиву — вопрос сложный, окончательно еще не решенный²⁹.

Что же касается префиксального спряжения, характерного для семитского имперфекта, то в египетском языке оно отсутствует (префиксальное спряжение в коптском языке — явление очень позднее и совершенно другого происхождения).

Если взять системы глагола в египетском и в семитских языках, то следует признать, что они независимы друг от друга³⁰. Несмотря на ряд моментов, сближающих семитские языки с египетским, последний отличается от них в значительно большей степени, чем сами они отличаются друг от друга. Поэтому египетский язык не может быть отнесен к языкам собственно семитским³¹.

§ 4. СВЯЗИ ЕГИПЕТСКОГО ЯЗЫКА С ЛИВИЙСКО-БЕРБЕРСКИМИ И КУШИТСКИМИ ЯЗЫКАМИ

С ливийско-берберскими и кушитскими языками египетский тоже имеет точки соприкосновения³².

²⁶ Letebvre, *Grammaire*, § 334.

²⁷ Ibid., p. 167.

²⁸ Gardiner, *Grammar*, § 309.

²⁹ Ibid.

³⁰ T. W. Thacker, *The relationship of the Semitic and Egyptian verbal systems*, London, 1954, p. 332.

³¹ Gardiner, *Grammar*, § 3.

³² Lefebvre, *Sur l'origine*, pp. 273, 274, 277–281.

В области фонетики связь с этими языками (как и с семитскими) проявляется также в преобладании значения согласных над значением гласных и в избытке гортанных звуков, среди которых характерен айн.

Несомненна близость словарных фондов рассматриваемых языков; установлено около 100 этимологии, общих для египетского и ливийско-берберских языков (конкретно — туарегского), например:

	египетское		туарегское
<i>srk</i>	"дышать"	<i>ereg</i>	"вдыхать"
<i>gmi</i>	"находить"	<i>egmi</i>	"искать"
<i>hmhm</i>	"мычать"	<i>henhen</i>	"ржать"
<i>swj</i>	"пить"	<i>essw</i>	"пить"

Египетскому личному независимому местоимению 1-го лица единственного числа *ink* в ливийско-берберских соответствует *inuk*. [13]

Встречаются и этимологии, общие для египетского, ливийско-берберских и семитских языков, например египетское *m(w)t* "умирать", семитское *mut*, ливийско-берберское *emmet*; в меньшем количестве — для египетского и кушитских языков, в частности беджа:

	египетское		беджа
<i>ii, iw</i>	"приходить"	<i>jii</i>	"приходить"
<i>mi</i>	"приходи"	<i>m-3a</i>	"приходи"
<i>šms</i>	"служить"	<i>šimiš</i>	"подчиняйся"
<i>ḥkr</i>	"голодать"	<i>harag</i>	"голодать"
<i>ibi</i>	"испытывать жажду"	<i>iuiāi</i>	"испытывать жажду"

Есть также этимологии, общие для египетского, кушитских и семитских языков, например египетской *dbʿ* "палец", семитское *jsba*, беджа *giba*,

Общие корни, естественно, можно обнаружить и у числительных; так, египетскому *fdw* "четыре" в беджа соответствует *fazig*, египетскому *mdw* "десять" в ливийско-берберских языках — *mzu*.

В морфологии близость между египетским языком и ливийско-берберскими и кушитскими языками проявляется в том, что в этих языках:

а) для местоименного суффикса мужского рода 2-го лица единственного числа характерна фонема *k*, для местоименного суффикса 1-го лица множественного числа — фонема *n*.

б) для 2-го лица единственного числа мужского рода в спряжении характерны префикс или суффикс *t*, либо и то и другое:

египетское	<i>sdm.ti</i>	"ты услышан"
арабское	<i>taktubu</i>	"ты пишешь"
берберское	<i>trurt</i>	"ты вернул"
беджа	<i>tefdiga</i>	"ты оставил"

в) основы некоторых глаголов, состоящих из нескольких согласных звуков, являются результатом удвоения более простых основ; полностью или частично удвоенная основа выражает интенсификацию смыслового значения неудвоенной основы (термин «интенсификация» в данном случае следует понимать широко):

египетское	<i>iw</i>	"жаловаться"	<i>imiw</i>	"горевать"
берберское	<i>gemi</i>	"искать"	<i>gemigemi</i>	"разыскивать"
беджа	<i>hirer</i>	"идти"	<i>hirerhirer</i>	"быстро идти" ³³

[14]

³³ М. К. Feichtner, *Die erweiterten Verbalstämme im Ägyptischen*, — WZKM, Bd. 38, 1932, S. 209 ff.

г) каузативные глаголы образуются путем префиксации фонемы *s*:

египетское	<i>ʕnh</i>	"жить"	<i>sʕnh</i>	"заставить жить"
берберское	<i>dudu</i>	"дрожать"	<i>sdudu</i>	"заставить дрожать"
беджа	<i>nafir</i>	"быть приятным"	<i>snafir</i>	"сделать приятным"

д) некоторые глаголы образуются путем префиксации фонемы *n*; в египетском языке этот префикс присоединяется к глаголам, имеющим четырехсложный корень, значение которого не меняется: *gsgs* — *ngsgs* "быть переполненным", "переливаться через край"³⁴. В других языках присоединение *n* в какой-то мере изменяет значение корня: берберское *erbeit* "пачкать", *neʕben* "пачкаться"; сахо *kalab* "удваивать", *nkalab* "быть удвоенным";

е) имеется глагольная форма, образующаяся при помощи суффиксов и выражающая состояние; в ливийско-берберских языках она называется квалитативом, в египетском — псевдо-партиципом, или старым перфектом.

§ 5. ОТНОШЕНИЕ ЕГИПЕТСКОГО ЯЗЫКА К ЯЗЫКАМ ДРУГИХ ГРУПП

В языкознании неоднократно делались попытки сблизить египетский язык, и даже семито-хамитские языки в целом, с языками других групп, прежде всего с африканскими.

Р. Коттевией-Жиродэ, указывая на сходство некоторых слов в египетском и бушменоготтентотских языках и учитывая невозможность заимствования в данном случае, выдвинул гипотезу, согласно которой все население древней Африки представляло этническо-лингвистическое единство, названное им «каспийским». По его мнению, лишь «каспийский» субстрат может объяснить общность отдельных слов. С этими положениями перекликаются и высказывания Н. Я. Марра. Известный знаток африканских языков К. Мейнгоф относил к хамитским и готтентотский язык нама³⁵.

Л. Рейниш, исследуя хамитские языки, отмечал их [15] общность с суданскими³⁶. Однако наряду с элементами усматриваемой Л. Рейнишем общности существуют заимствования египетских слов суданскими языками: на протяжении своей многовековой истории египтяне постоянно приходили в соприкосновение с народами Судана и несомненно оказывали на них большое культурное влияние³⁷.

До настоящего времени делаются попытки доказать связь семито-хамитских языков, в частности египетского, с языками индоевропейскими.

В то же время некоторые ученые пытаются установить общность между языками семито-хамитской группы и языками кавказскими (по терминологии Н. Я. Марра, яфетическими).

Попытки эти восходят к сообщениям античных авторов о том, что древние египтяне и колхи якобы этнически представляли собой одно и то же³⁸. Как известно, Геродот писал:

«Колхидяне, очевидно, египтяне; я сам пришел к такому заключению прежде еще, чем услышал о том от других»³⁹.

Это дало повод позднейшим исследователям усмотреть элементы общности между египетским и некоторыми кавказскими языками. Так, знаток кавказских языков П. К. Услар заявлял: «Исследование языков абхазского и убыхского при сравнении с языком коптским (древне-египетским) может подтвердить основательность мнения Геродота о египетском происхождении колхов»⁴⁰.

³⁴ См.: Wb., II, 350; Wb., V, 207; Gardiner, *Grammar*, § 276; Lefebvre, *Sur l'origine*, p. 280. Г. Лефевр рассматривал *n* как интенсификатор понятия, выраженного корнем.

³⁵ R. Cotteville-Giraudet, *L'ancien égyptien et les langues africaines*, — «Revue anthropologique», année 46, 1936, pp. 56–73; Н. Я. Марр, *Готтентоты-средиземноморцы*, — Избранные работы, т. IV, М., 1937, стр. 115–124; С. Meinhof, *Die Sprachen der Hamiten*. Hamburg, 1912, S. 210.

³⁶ В ряде работ, опубликованных в «Sitzungsberichte den Wiener Akademie der Wissenschaften» за 1878–1893 гг.

³⁷ См. J. Leclant, *Egypte — Afrique*, — «Bulletin de la Société française d'égyptologie», № 21, 1936, juin, pp. 29–30.

³⁸ См. G. A. Wiedemann, *Herodots II Buch*. Leipzig, 1890, Ss. 407–408.

³⁹ Геродот, II, 103; см. также: I, 2; VII, 193.

⁴⁰ П. К. Услар, *Древнейшее сказание о Кавказе*, Тифлис, 1881, стр. 44.

Того же взгляда придерживался и А. Н. Грен. Упомянув о сообщении Геродота о родстве колхов и египтян, и в частности о родстве их языков, А. Н. Грен пишет: «Однако все же остается открытым вопрос, какое отношение имеет язык колхов к языку египтян...». После сравнения некоторых кавказских языков с египетским автор заключает: «И поэтому я едва ли ошибусь, если почту черноморские языки за хамитские»⁴¹.

Наконец, историк Абхазии Д. Гулия также придерживается этой традиции⁴². Но все лингвистические данные, приведенные названными авторами, ровно ничего не доказывают, [16] ибо если эти авторы отлично знали кавказские языки, то об египетском имели лишь смутное представление.

Гораздо серьезнее были попытки Н. Я. Марра обосновать родство грузинского языка с семитскими⁴³. Однако и его труды в этом направлении общего признания в науке не получили. «Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими», предпосланное таблицам к грамматике древнегрузинского языка⁴⁴, было встречено научной критикой отрицательно. Ряд крупных русских ученых, в частности В. Р. Розен и К. Г. Залеман, а также иностранные специалисты, например К. Брокельман, отказались присоединиться к выводам Н. Я. Марра. Особенно резким был отзыв К. Г. Залемана, заявившего Н. Я. Марру: «Я не согласен с Вами, Вы не прочли Мёллера. У Вас все звуки переходят во все звуки. По-Вашему, в грузинском существует даже такая арабская форма (называет ее). Это невозможно. Таблицы же Ваши меня совершенно не интересуют»⁴⁵.

Таким образом, попытки установить общность между кавказскими и семито-хамитскими языками окончились неудачей. Однако это еще не значит, что такой общности нет. Если правомерно сравнительное изучение индоевропейских и семито-хамитских языков, то столь же правомерно сравнительное изучение семито-хамитских и кавказских языков при условии, что оно будет научно обосновано. Какие это может дать результаты — предвидеть невозможно, но та близость между кавказскими языками и языками семито-хамитской группы, которую усматривал Н. Я. Марр, вряд ли может быть доказана.

Следует также отметить, что попытки установить связь египетского языка с этрусским, океанскими, южноамериканскими и другими не дали положительных результатов.

Из сказанного ясно, что египетский язык следует рассматривать как один из языков семито-хамитской группы. Вместе со своим потомком коптским языком он составляет в ней самостоятельную подгруппу. Этот язык известен нам только по памятникам письменности, древнейшие из которых относятся приблизительно к XXXII в. до н. э.; уже в них он [17] предстает как вполне сложившийся язык, не являющийся собственно семитским. Поэтому нет никаких оснований отрицать африканское происхождение египетского языка, сыгравшего огромную роль в истории мировой культуры. Здесь уместно вспомнить мнение одного из крупнейших семитологов Т. Нельдеке, допускавшего, что Африка — родина племен, говоривших на семитских языках⁴⁶. [18]

⁴¹ А. Н. Грен, *Краткий очерк истории Кавказского перешейка*, Киев, 1895, стр. 1–105.

⁴² Д. Гулия, *История Абхазии*, Тифлис, 1925, стр. 80–134.

⁴³ См. И. Г. Лившиц, *Марр и египтология*, — «Язык и мышление», т. 8, 1937, стр. 189–200.

⁴⁴ Н. Я. Марр, *Основные таблицы к грамматике древне-грузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими*, СПб., 1908.

⁴⁵ В. М. Миханкова, *Николай Яковлевич Марр*, М., 1949, стр. 158–160.

⁴⁶ Т. Нельдеке, *Семитские языки и народы*, в обработке А. Крымского, М., 1908, стр. 25–26, 161.